

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА.

Девель был убит первым выстрелом.

Пуля пробила патронташ и вошла прямо в сердце. Там и осталась. Это была его пуля.

Стоял январь 1919 года.

Наш разъезд получил задание нащупать неприятеля.

Был морозный солнечный день. Все кругом сверкало белизной све- же выпавшего снега. Далеко вдаль темнели очертания Штеровских дина- митных заводов. Кругом в складках местности чернел кустарник. Было тихо и как-то торжественно печально.

Полувзвод двигался медленно, маленькой неровной лавой. Снег скрипел под копытами коней. Они шли бодрим шагом, слегка похрапывая и фыркая от свежего морозного воздуха. Впереди маячили дозорные. Одним из них был Девель.

Когда он упал, его конь прибежал к нам, а он остался лежать между нами и красными на широкой снежной поляне.

- Стой!.. Слезай!.. Коноводы!.. В цепь!..

Мы спешили и залегли. Началась перестрелка. Немного погодя, подошла лава эскадрона. Под вечер пришла пехота.

Наша задача была исполнена, и нам было приказано отойти версты за две на хутора.

Ночью мы вернулись и вынесли тело Девеля.

Ночь была лунная. Медленно плывшие густые и тяжелые облака ча- сто и надолго закрывали месяц, что очень облегчало нашу задачу. Тя- желое замерзшее тело с трудом передвигалось по рыхлому снегу. Когда мы сошли с бугра, дело пошло скорее. Положив Девеля на пулеметную тачанку, мы быстро домчали его до хуторов.

Бобка ушел, обещав сменить меня часа через два, и я остался один.

В хате стояла немая тишина. Каганец дымил.

Теперь я был предоставлен самому себе и стал невольно прислу- шиваться к тому, что незримо хранилось в моей душе.

Нас было трое. Три неразлучных друга. Жорж Девель - кнker Гвар- дейской школы, Бобка Сукин-Брызгалов - юнкер Южной школы, и я.

Молодость и походная жизнь соединили нас, а вечный страх перед неизбежным сроднил нас троих в крепкую братскую дружбу.

Для меня он все еще был Девель, несмотря на то, что теперь его уже не было с нами, и я с тоской смотрел на тело дорогого мне чело- века.

Девель лежал на столе под образами. Колеблющееся пламя каганца неровно освещало его лицо. Оно было спокойно и выражало как бы уди- вление. Очевидно, смерть наступила сразу, не причинив ему боли.

Было около двух часов ночи.

Вдали на буграх слышались сдиночные выстрелы и очереди из пу- лемета.

Ухо, еще полное дневного шума, слышало несуществующие звуки, а глаз отчетливо видел в перебегающих и колеблющихся тенях создания моего собственного воображения. Мне было немного жутко.

Еще не так давно на одной из ночевок, которые нам теперь так редко выдавались, после солидной порции борща и закулив цыгарку из самосада, смешанного с древесными листьями, мы начали философи- вать, и он убеждал нас, что каждый солдат имеет свою пулю, которая

рано или поздно найдет его. Тогда он был убежден, что его пуля еще не вылита. А вот, смотри же, какой-то красный носил ее уже в своей обойме, а он и не знал об этом. Вот и мы с Бобкой не знаем, где и у кого находятся наши пули. Может быть, их еще вообще нет, а может быть, их кто-нибудь уже загнал в дуло своей винтовки.

Мысли переходили от одного к другому. Время тянулось. Старая обстановка потрескивала, и в окна стучался лютый мороз. В хате было тепло и пахло талым снегом и сыростью сохнувшей одежды.

Затихший воздух чутко держал каждый порох и параллельно с этим мои собственные чувства.

Мне хотелось плакать. Хотелось хоть как-нибудь освободить ту тоску и боль, которые находились в моей душе.

Я вспомнил рассказы Девеля о его матери. О том, как он любил ее и как был дружен с нею. Рассказы о семье, с Гвардейской школе.

Великий Боже, за что Ты наказал нас этой ужасной войной? За что поднял брата на брата? За что разлучил нас навеки с нашими дорогими? Мы не знаем, что с ними, и они, может быть, никогда не узнают, что случилось с нами.

И вспомнились мне слова казачьей песни:

"А там за горами, где вьются метели,
Зимой морозы лютые трещат,
Где сдвинулись грозно и сосны и ели,
Казачие кости под снегом лежат."

Было тихо. Стрельба на буграх прекратилась

Эта непривычная тишина давала полный разгул воображению и создавала тревожное настроение, готовое каждую минуту перейти в панику. Я посмотрел на Девеля, и меня охватил жуткий страх. Что-то сильное сдавило горло, и тяжелая кровь ударила в голову.

Девель стал вытягивать руку.

Я ясно видел, как разжимались его скрюченные пальцы.

Стол заскрипел, и нога мертвого, соскользнувши, повисла, слегка покачиваясь.

В ужасе я хотел бежать, но не мог двинуться с места.

Его веки полуоткрылись, и он смотрел на меня немигающим взглядом.

Почти без сознания, с диким криком, я выскочил во двор и, добежав до хаты, где спали наши, открывши дверь, упал. Меня била лихорадка, и челюсти стучали одна о другую.

Пока меня привели в себя и мы рассудили, что все это произошло от того, что замерзшее тело бедного Девеля в теплой хате стало принимать свое нормальное положение, прошло, может быть, около часа.

Вернувшись в хату, мы нашли Девеля лежащим на столе во весь его исполинский рост. Его руки были сложены на груди и глаза закрыты.

У иконы горела свеча, и какая-то старая женщина стояла на коленях и молилась. Может быть, она молилась не только о Девеле, но и о своем сыне, судьбы которого она не знала...

Утром Девель был похоронен, и эскадрон ушел.

Ушли с ним и мы, так как мы тоже принадлежали к этой дружной братской семье, которая называлась 3-м эскадроном, и, садясь в холдное седло и разбирая поводья, невольно думали о той пуле, которая нас когда-нибудь и где-нибудь найдет... А может быть, и нет.

Шилле.

ЗАГАДКА ВОЙНЫ.

Целые недели отступления являлись для частей Алексеевской пехотной дивизии одним сплошным боем. С трудом оторвавшись вечером от наступавшего противника и заночевав где попало, уже на рассвете части должны были опять отбивать противника. Для взвода 3-ей батареи под командой покойного капитана М. не было часто времени искать позицию. Стреляли с места, на котором находились пушки в момент атаки противника.

Войдя поздно ночью в село Д. и оставив взвод артиллерии, по опыту того времени, на дороге южной окраины села нераспряженным и только с отпущенными нашильниками и подпругами, оба оставшихся офицера взвода явились к командиру батальона, к которому были вызваны.

В это время в село ворвался небольшой отряд кавалерии противника и отрезал офицеров-артиллеристов от взвода. Пулеметным огнем кавалерия была отбита.

М. и П. поскакали к своему взводу, но последнего на месте не оказалось. По глубоким колеям пушек взвод нашли в 2-3 верстах от села, куда его отвели по собственной инициативе великолепные солдаты - ставропольские крестьяне.

Город Е. (Л.). Приближаясь к нему с севера, нужно было перейти по бревенчатому мосту и взобраться на кручу.

В то время, когда артиллерийский взвод преодолевал кручу, к отступавшему батальону подошел конный полк в погонах. Впоследствии выяснилось, что это был одетый на манер белых полк имени Троцкого и Ленина. Полк атаковал, и трагедия батальона завершилась.

Когда артиллерийский взвод взобрался наверх и встал на позицию на пустой площади города, как раз над высоким и крутым склоном к реке, то там внизу, за рекой, все уже было закончено.

Из одного дома на пустой площади вышел ко взводу крупный, пожилой мужчина в форме подпрапорщика старой армии. На груди у него было четыре георгиевских креста. Он вынул револьвер и перед глазами взвода застрелился.

Кто он был? Почему он застрелился?

Эти вопросы остались неразрешенной загадкой.

Прискакал разведчик и привез приказание немедленно уходить полным аллюром, так как за взводом уже никого не было, а фланги сбтекались кавалерией противника.

Полным карьером шел одинокий взвод артиллерии по совершенно пустынным, молчаливым улицам города Е. (Л.).

Николай Прыц.